

Влияние государственной политики на краеведческое движение XX века на Европейском Севере России

Смирнова М.А.

В середине XIX века в России началось становление гражданского общества, стали возникать различные легальные общественные организации – благотворительные, просветительные, страховые, научные. Решение об их создании принимали сами участники, власти этому не препятствовали. Север, как и другие российские территории, был включен в эти процессы. Как отметил один из руководителей Вологодского общества изучения северного края А.А. Колычев, «проблемы Севера в то время были в моде в официальных кругах. В Архангельске интересовались ими губернатор Сосновский и вице-губернатор Шидловский (автор многих статей и монографий), в Вологде – губернатор Хвостов»^[1].

Этот интерес властей реализовался созданием в декабре 1908 года в губернском городе Архангельске силами местной интеллигенции Архангельского общества изучения Русского Севера, во главе которого встал вице-губернатор А.Ф. Шидловский, которое развернуло научную исследовательскую деятельность по всей огромной Архангельской губернии. Оно не было единственным в стране, но стало одним из сильнейших по проведенным работам, материалами которых пользуются до сих пор все исследователи Севера. По следам АОИРС, взяв за основу его Устав, через полгода в Вологде в 1909 году создали такое же общество (Вологодское общество изучения Северного края – ВОИСК), его первым председателем стал губернский предводитель дворянства А.Н. Неелов. Через несколько лет, в 1913 году, в Петрозаводске появилось Общество изучения Олонецкой губернии (ОИОГ), которое создано было по инициативе организатора АОИРС, бывшего архангельского вице-губернатора А.Ф. Шидловского, назначенного губернатором Олонецкой губернии.

Таким образом, в начале XX века весь Север оказался под внимательным взглядом краеведов-любителей, которые, обладая хорошим образованием, наличием свободного времени и некоторым материальным благополучием, занялись научным изучением края. В состав всех этих обществ вошли представители высших и средних слоев северного населения, а также исследователи из других регионов, связанные научными интересами с краем и многие ссыльные, которых заинтересовал Север. Каждый занимался исследованиями в той области науки, которая была ему близка. Никакого влияния «сверху» на эту деятельность не было, не существовало и «государственного заказа» на исследования. Участие крупных чиновников в работе обществ помогало как-то скорректировать планы исследований, необходимые для губерний. Деятельность обществ была гласной: на заседаниях обсуждались доклады, издавались журналы с публикациями статей и официальной информацией, печатались подробные отчеты о деятельности, списки участников с домашними адресами. После военно-революционных событий 1917-1920-х годов деятельность всех обществ была свернута: новое большевистское правительство укреплялось на завоеванных позициях, а оставшиеся в стране краеведы пытались оценить сложившуюся ситуацию и найти свое место в новом государстве, наукой никто не занимался. Опыт краеведческой научной деятельности оказался востребованным спустя несколько лет.

Чтобы ускорить создание нового государства и утвердить его на мировой арене, необходимо было восстановить экономику, но как это делать, правительство в то время еще не знало. Для решения огромного количества насущных задач власть ввела новую экономическую политику (НЭП), которая не только помогла спасти экономику, но и подняла волну общественной активности. Решено было обратиться за помощью к представителям свергнутых классов, обладающих высоким уровнем знаний и опыта во многих вопросах, прежде всего к краеведам, патриотам своего края, для которых любовь к Родине была выше многих других чувств. Поэтому в декабре 1921 года в Москве «для новой реальной организации изучения России»^[2] была созвана Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, которая стала первым шагом на пути к массовому развертыванию краеведческого движения по всей стране. Для руководства этим движением было создано Центральное Бюро Краеведения, председателем которого избрали известного академика-востоковеда С.Ф. Ольденбурга. Было принято решение об издании журнала

«Краеведение» (1923–1929), который стал своеобразным посредником между центром и провинцией, публиковал методические материалы, отчеты о деятельности краеведческих обществ со всей страны, давал информацию о новых печатных краеведческих изданиях, о решениях, принимавшихся Центральным Бюро Краеведения. Авторами этого журнала стали и маститые академики, известные ученые, и обычные краеведы из различных российских провинций. Востребованность этого издания была столь велика, материалов поступало так много, что в 1925 году начал выходить журнал «Известия ЦБК» (1925-1929), который был более официальным, информационным, давал возможность сориентироваться в направлениях работы, познакомиться с опытом других.

Участие в этой работе Академии наук привлекло многих дореволюционных специалистов, которые могли действительно профессионально заняться исследованиями. Психологически им было поначалу трудно поддерживать большевиков, лишивших страну и ее население стабильности, а малообразованность многих новых представителей власти отпугивала интеллигентов от любого сотрудничества с ними. Когда же авторитетные ученые-патриоты различных областей науки стали сотрудничать с правительством, чтобы помочь государству в трудное время, многие специалисты последовали их примеру.

После конференции 1921 года на Севере в 1923-1924 годы активизировалась деятельность Вологодского общества изучения северного края (ВОИСК) и были вновь созданы Архангельское общество краеведения (АОК, позднее – АКО), Северо-Двинское общество изучения местного края (СДОИМК) и другие – по всем северным территориям. Этот процесс шел «сверху», по распоряжению правительства. Организационные конференции собирались по предложению губисполкомов. Но, например, в новой Северо-Двинской губернии (она была создана в результате административно-территориальных преобразований в 1918 году с центром в городе Великий Устюг) инициатором создания краеведческого общества стал музей Северо-Двинской культуры, открытый в том же 1918 году. Губернская власть лишь способствовала скорейшему исполнению столичных директив и не мешала работе краеведов.

Северо-Двинским обществом изучения местного края стал руководить его создатель Евлампий Арсеньевич Бурцев (1858-1924), кандидат богословия, преподаватель отечественной истории в духовных учебных заведениях Архангельска, Вологды, Оренбурга, Никольска, член Вологодской археологической комиссии любителей истории и древностей, составитель «Описания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище (XVII-XVIII вв.)»^[3] В первый год своей деятельности общество имело в составе 46 действительных членов и одного почетного^[4]. В основном, это были представители местной интеллигенции (учителя, врачи, музейные работники, художники, юристы, статистики, советские чиновники). Бурцев, к сожалению, неожиданно умер, простудившись в одной из экспедиций. В 1924 году председателем СДОИМК стал Вениамин Петрович Шляпин (1861-1943), статский советник, преподаватель арифметики, географии и природоведения Великоустюгского духовного училища, член комитета Великоустюгского древнехранилища, составитель двухтомника «Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря» (1912-1913) и автор многих публикаций, сотрудник (в т.ч. заведующий) устюжского архива (1920-1930).

Вологодское общество изучения Северного края, которое официально не закрывалось, но почти не проявляло особой активности в смутное время, на общем годичном собрании членов ВОИСК, состоявшемся 21 июня 1919 года уже поднимало вопрос о взаимодействии с новым правительством. Об этом говорил на собрании главный инспектор архивов А.Ф. Изюмов: «исходной точкой возрождающейся деятельности «Общества изучения Северного края» должно быть то положение, чтобы «О-во являлось не только подсобным органом советских учреждений, но и ставило бы свои чисто научные самостоятельные задачи и стремилось к их осуществлению; и чтобы правительственные учреждения могли получать от «Общества» необходимые научные материалы и сведения»^[5]. В эти годы, как и в Северо-Двинской губернии, вологодские краеведы прежде всего занялись спасением музейных ценностей, библиотек, архивов, наиболее пострадавших в ходе гражданской войны.

Архангельск смог включиться в краеведческую работу позднее своих соседей, что было связано с событиями гражданской войны. В мае 1923 года краеведческое общество

организовалось и в Архангельске. Его председателем стал заместитель председателя губисполкома Иван Васильевич Боговой. Как наиболее пострадавшая в период интервенции и гражданской войны, Архангельская губерния считала, как заявил один из активных членов АОК А.А. Евдокимов, что «мы переживаем такое время, такую полосу жизни, когда все движения и все течения должны быть подчинены одной задаче, одному устремлению: найти выход из хозяйственной разрухи»[6]. Это было созвучно желаниям правительства. Архангельские краеведы преуспели в развитии экономики края, даже сумели на базе АКО создать в 1924 году научно-исследовательский институт – Институт промышленных изысканий (он стал основой ныне работающих нескольких научных учреждений – водорослевый комбинат, СевНИИП, СевПИПРО). Как и все подлинные интеллигенты, хорошо понимая значение культуры и обладая необходимыми знаниями, они старались спасти многие памятники, на которые не обращали внимания власти. У архангелогородцев в этом направлении работала культурно-историческая секция (Ан. Н. Попов, И.М. Сибирцев), которая «приняла активное участие в деле охраны памятников местной старины, поставила к разработке ряд вопросов по музейному делу, оказывает содействие Дому книги в приведение в порядок Отдела Севера и ставит вопрос о постановке Северной библиографии в областном масштабе»[7].

Итак, в 1918-1923 годы в каждой северной губернии появились собственные краеведческие общества, которые, выполняя решения Первой Всесоюзной краеведческой конференции, развернули работу по научному изучению своего края, охране и собиранию разнообразных памятников истории и культуры, включая недавнее время и даже «систематическую регистрацию фактов теперешней жизни». Власть считала, что это – очень важное отличие от дореволюционного краеведения, которое увлекалось лишь древней историей. Эта задача помогла спасти бесценные документы и книги, собрать живые воспоминания участников революционных событий и гражданской войны. Краеведы также занялись созданием музеев. Начинающие краеведы успешно осваивали фенологические наблюдения, которые не требовали никакой специальной подготовки, но помогали метеорологам разобраться в погоде. В марте 1924 года в Вологде был созван первый областной краеведческий съезд Севера, на котором организовали Северное бюро краеведения «для объединения и координирования краеведческой работы на Севере»[8].

9-14 декабря 1924 года в Москве была созвана Вторая краеведческая конференция. На ней была отмечена успешная работа краеведов по спасению памятников. Но материалов накопилось огромное количество, разобраться в них непрофессионалам оказалось очень сложным. Поэтому встал вопрос о передаче многих ценных документов из местных архивов в центральные хранилища. Такая же история была и в музеях, где несистематизированные предметы лежали без движения и описания. Это способствовало устройству различных выставок, где можно было показать накопленный материал. В 1924 году Истпарт Архангельского губкома РКП(б), на основе собранных им материалов, открыл выставку по истории гражданской войны на севере, которая в 1927 году была преобразована в Музей революции[9], в 1925 году в Архангельске была организована крупная краеведческая выставка, приуроченная к Первой конференции по изучению производительных сил и Второму областному краеведческому съезду[10].

Тогда же были подняты проблемы изучения города и деревни, социально-экономических особенностей территорий, фольклора и языка, составление географической номенклатуры края. Правительство понемногу стало регламентировать работу краеведов, направляя их в нужное русло. Начались реорганизационные изменения, которые отвлекали от практической работы: «конференция считает необходимым организацию новых форм ЦБК на основе непосредственной связи его с государственными планирующими органами, советской общественностью и научными учреждениями»[11]. Конференция также признала необходимым подчинить ЦБК Главнауке Наркомпроса. Научно-просветительская деятельность, которой руководила Академия наук, вовлекая в эту работу самые широкие слои населения, стала меняться на прикладную, стала более централизованной, как и все в стране, где укреплялась власть Сталина.

Третья Всесоюзная конференция проходила в декабре 1927 года. Это был год XV съезда ВКП(б) и 10-летия существования советского государства, которому предсказывали всего лишь несколько месяцев активности. Власть упрочилась, большинство населения

стремилось строить новое будущее, непохожее на прежнюю жизнь. Проводилась политика индустриализации страны. НЭП уже не приносил тех результатов, как это было в начале 1920-х. Появилось поколение, воспитанное советской идеологией и обученное дореволюционными специалистами. Краеведы приобрели богатый опыт исследовательской работы. Но участие краеведов в исторических изысканиях стало раздражать правительство. Архивные исторические документы правдиво рассказывали о таких событиях, которые правительство не желало раскрывать и обсуждать. Это были, прежде всего, материалы, связанные с недавними революционными и военными событиями, со временем политической ссылки, когда многие представители власти не всегда выглядели так, как им хотелось. После смерти В.И. Ленина пересматривались некоторые исторические факты, что тоже было известно краеведам. Эти темы постепенно стали отодвигаться от активной разработки. Конференция признала линию партии руководящей линией для краеведческого движения. Организационные вопросы вызвали острую дискуссию, которая продолжалась три дня. Академик Н.Я. Марр отметил, что «Наркомпрос не понял всей сущности этого движения и поэтому пытается строить здесь что-то без ориентировки на прошлое, без перспектив на будущее»[\[12\]](#). Центральное Бюро Краеведения было разделено между Москвой и Ленинградом с распределением организационной и методической функций, что негативно сказалось на всей работе.

Конференция дала старт так называемому «производственному краеведению». Архангельское краеведческое общество давно уже занималось этими вопросами, не забывая о других направлениях. Краеведам Северо-Двинской и Вологодской губерний пришлось менять свои интересы. Все территории занимались подготовкой к новому районированию, краеведы активно в этом участвовали. Составлялись первые пятилетние планы, которые коснулись всех сторон жизни, в том числе и краеведческой работы. Но в эти годы уже существовали лагеря системы ГУЛАГ, которые еще не стали массовыми, но о них знали многие представители из «бывших». Надвигались черные времена репрессий. В 1927 году прошла волна первых арестов краеведов.

Конференция переизбрала новый состав ЦБК и редколлегии журнала «Краеведение», изменилась направленность статей, которые стали политизированными, отвлекали краеведов на ненужные организационные перемены. «Одной из задач момента в нашем краеведческом движении является установление взаимоотношений между краеведением и политическим просвещением масс», заявил в одной из брошюр Е. Радченко[\[13\]](#).

В январе 1930 года прежние журналы были закрыты, вместо них появился журнал «Советское краеведение», который критиковался своей же редколлегией: «констатировать, что журнал «Советское краеведение» с января 1930 года заменивший собою «Известия ЦБК РСФСР» и журнал Ленинградской группы ЦБК при Академии наук, «Краеведение», за истекшее время достиг ряда значительных успехов», но при этом «не помещено ни одной специальной статьи по решениям декабрьского пленума ЦК и ЦКК и по решению 3-й сессии ЦИК; не отражены специальными статьями решения 6-го Всесоюзного съезда Советов; не развернута в статьях борьба на два фронта в краеведческом движении: против правых установок, как главной опасности в настоящий период «академизм» в работе, «либеральное отношение» к борьбе со старым краеведением и т.д. и против левых загибов (огульное отрицание старого наследия, «спецеество» в краеведении и проч.)»[\[14\]](#)

В такой тревожной обстановке краеведы собрались на Четвертую Всероссийскую конференцию, которая проводилась 22-25 марта 1930 года. В докладе Н.Ф. Преображенского прозвучало разъяснение «марксистского метода в краеведении» и значение принципов диалектического материализма во всем краеведческом исследовании». Он отмечал, что «если III Всероссийская конференция впервые ставила вопрос об особенностях краеведения в условиях социалистического строительства и заострила вопрос о сущности именно советского краеведения, то на IV Всероссийской конференции на этот вопрос гораздо больше углубляется и уточняется и в части самой методологии и в части марксистского метода работы»[\[15\]](#). Но X Пленум ЦБК, состоявшийся 25-28 января 1931 года, признал ошибочность резолюций этой конференции[\[16\]](#). А XI Пленум ЦБК, прошедший весной 1932 года, признал «перевод всей системы краеведения на рельсы единого массового общества, рассматривая это как новый этап развития краеведческого движения и поручил президиуму ЦБК всесторонне подготовить этот вопрос к V Всероссийской краеведческой

конференции»^[17], но она уже не состоялась. Отдельные массовые краеведческие мероприятия, вроде «краеведной пятилетки» уже не могли остановить разрушение отлаженной системы. Тоталитарный режим вторгнулся и в такие мирные дела как краеведческая работа. Лживость, декларативность, заорганизованность, чрезмерная отчетность, а затем – массовые аресты краеведов привели к полной остановке работы и официальному ее запрету в 1937 году.

^[1] Колычев, А.А. О возникновении Вологодского общества изучения Северного края: страничка из прошлого / Ал. Колычев // Северный край. 1922. № 1. С. 37.

^[2] Богданов В.В. Предисловие // Вопросы краеведения: сб. докл., сделанных на Всерос. конф. науч. о-в по изучению местного края... Н.Новгород, 1923. С. 3.

^[3] Евлампий Арсеньевич Бурцев // Устюжане. В.Устюг, 1994. С. 72-74.

^[4] Северо-Двинское общество изучения местного края // Записки СДОИМК. В.Устюг, 1925. Вып. 1. С. 62.

^[5] ГАВО (Гос. архив Вологодской области). Ф. 4389 (ВОИСК). Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

^[6] Евдокимов А. Краеведческое дело в Архангельске // Север (Вологда). 1923. № 2. С. 208–209.

^[7] Евдокимов А. Архангельское общество краеведения // Север. 1923. № 3/4. С. 267-268.

^[8] Клушин Б. Первый областной краеведческий съезд Севера // Север. 1924. № 1. С. 149.

^[9] Формирование государственной музейной сети (1917–первая половина 60-х гг.): науч.-метод. рекомендации / авт. Д.А. Равикович; М-во культуры РСФСР, АН СССР, НИИ культуры. М., 1988. С. 69-70.

^[10] ГААО. Ф. 270. Оп. 1. Д.48. Л. 43.

^[11] Дневник 2-й Всесоюзной конференции по краеведению. М., 1924. 14 дек. (№ 4). С. 1.

^[12] Соболев В.С. Академия Наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т. 70, № 6. С. 537.

^[13] Радченко, Е. Краеведение и политпросветработа. М.: Изд. ЦБК, 1929. С. 4.

^[14] О политических ошибках, допущенных в журнале «Советское краеведение»: резолюция объединенной фракции президиумов ОКРАМ и ЦКБ РСФСР, в т.ч. и редакции «Советского краеведения» // Советское краеведение. 1931. № 6. С. 1-3.

^[15] Преображенский Н.Ф. Роль и значение Всероссийской конференции по краеведению // Советское краеведение. 1930. № 1/2. С.5.

^[16] Потемкин М.П. X Пленум ЦБК // Советское краеведение. 1931. № 4. С. 1-4.

^[17] Канчеев А. XI Пленум ЦБК // Советское краеведение. 1932. № 5. С. 1-6.